

Литературоведение

УДК 821.161.1

О.Н. Красникова

ПОЭТИКА И ФУНКЦИИ ОБРАЗА ВОЛГИ В «ВОЛЖСКИХ» ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье рассмотрена проблема функционирования образа «Волга» в драматургическом наследии А.Н. Островского. Хорошо известно, что драматург открыл русскому читателю Замоскворечье, но об открытии им «волжского» текста говорят гораздо реже. В этой работе мы рассмотрим художественный образ «Волга» – ключевой образ, формирующий в драматургическом наследии Островского особый цикл пьес, объединенных общим названием «волжский текст» А.Н. Островского. Специфика реализуемых функций образа, типологические черты сходства и различий образа в разных пьесах, особенности функционирования в каждом конкретном тексте в совокупности составляют единый художественный образ, наличие которого и позволяет выделить своеобразный пласт творческого наследия драматурга – «волжский» цикл пьес, или, как иначе сам автор хотел их назвать, цикл «Ночи на Волге». В данной статье будут проанализированы именно те пьесы, действие которых происходит непосредственно на волжских берегах.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драматургия, Волга, река, «волжский текст», Калинов, Бряхимов.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-477-484

В данном исследовании мы постараемся выделить те функции, которые реализует художественный образ Волга в драматургическом наследии А.Н. Островского. На наш взгляд, это исследование актуально, поскольку при хорошей изученности «московского» текста Островского «волжские» пьесы (за исключением «Грозы») изучены гораздо в меньшей степени. «Волжскими» можно называть различные пьесы Островского. Мы будем рассматривать и анализировать именно те, в которых центральным образом художественного пространства является Волга: 1. «Гроза», 2. «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», 3. «Воевода (Сон на Волге)», 4. «Горячее сердце», 5. «Бесприданница», 6. «Таланты и поклонники», 7. «Красавец мужчина», 8. «Без вины виноватые».

«Гроза». Первая собственно «волжская» пьеса драматурга. Количественно исследовательских работ, посвященных «Грозе», настолько велико, что трудно поддается счету. Поэтому особых доказательств тому факту, что образ Волги определяет специфику поэтики «Грозы», даже не требуется. Так, известно энергичное высказывание С.А. Юрьева, большого знатока театра: «Разве «Грозу» Островский написал? «Грозу» Волга написала!» [8. С. 214]

Пейзаж, картины природной красоты очень важны для пьесы. Красота города Калинова определяется природой. Недаром начинается пьеса с восторженных реплик Кулигина о необыкновенных видах: «Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется» <...> [4. С. 210]. О неразрывной взаимосвязи городского и природного начала в пространстве этой драмы свидетельствует название города – Калинов. Смысловой контраст заключен в семантике названия ягоды *калина*, поскольку кустарник цветет красивыми белыми цветами, а красные ягоды в форме сердечка имеют горький вкус.

Калинов (как и калина) – город противоречивый. Красивый своей природой, но закрытый, замкнутый, даже умирающий. Калинов – это также и переходный топос. Город находится между реальным миром (типичный город на Волге) и ирреальным сказочным закрытым пространством. Этот город – граница между миром живых людей и мертвых душ, город – своеобразный фольклорный *Калиновый* мост, соединяющий человеческий мир с миром потусторонним. Усиливает *пограничность* этого города и тот факт, что здесь протекает река – классический символ границы пространств.

Волга в драме Островского «Гроза» описывается неоднозначно и поэтому выполняет несколько функций.

1. Волга является компонентом художественного пространства как часть описываемых декораций в ремарках. Это прямое использование образа – создание фона, на котором разворачиваются описываемые события. Волга упоминается в ремарках к первому и четвертому действиям пьесы.

2. В образе Волги заключена та красота, которой наслаждаются герои. Именно волжское пространство концентрирует в себе понятие «природа» в пьесе. И здесь Волга не просто декорация, а тот образ, который формирует противопоставления *городского – природному, и искусственного – естественному*.

3. «Высокий волжский обрывистый берег и заречные дали вводят мотив простора, полета, неразрывный с Катериной. Детский чистый и поэтичный в начале, в финале пьесы он трагически трансформируется. Катерина появляется на сцене, мечтая раскинуть руки и взлететь с прибрежной кручи, а уходит из жизни, падая с этого обрыва в Волгу» [1. С. 201].

Свободное, ничем не скованное течение мощной реки связано в народном сознании (и в пьесе) со столь же свободным полетом птицы. Катерина хочет летать, как птицы, и душа ее, свободная и вольная, непрестанно тянется к волжскому простору. «Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...» [4. С. 223]. И, конечно, здесь же вспоминается монолог Катерины «Отчего люди не летают как птицы».

К размышлениям о связи образов *птица* и *Волга* хочется добавить замечание о главной героине «Бесприданницы» – Ларисе Огудаловой. Семантика имени Лариса связано с греческим его переводом – «чайка». Судьба и характер героини также связан с образом птицы, как и судьба Катерины.

Что Катерина, что Лариса – запертые птицы в клетке, рвущиеся наружу. И обе героини испытывают муки заточения, глядя на волжские просторы: Катерина – с кручи волжских берегов, Лариса – через решетку высокой площадки, обустроенной над Волгой.

Следовательно, Волга – это тот образ, который необходим художественному тексту для создания контраста между бытовой «неволей» и естественной свободой.

4. Волга, являясь рекой, символизирует природное начало в виде его элемента – *воды*. Образ души Катерины и внутреннее ее желание полететь, стать подобной бабочке, птице, безусловно, связаны со стихией *воздуха*. Земные обывательские потребности калиновцев, да и сам город, не европейский (каменный), а деревянный, земляной, связаны со стихией *земля*. Гроза и геенна огненная, изображенная на странной фреске, вводит в пьесу стихию *огня*.

Таким образом, все природные элементы – стихии в пьесе присутствуют, логично уравновешивают и дополняют друг друга. Гроза (воздух + вода + огонь) является сосредоточением стихий, которые приводят Катерину к гибели: незаконная воля, выражающаяся в желании *воздушного* полета, сочетается с гееной *огненной*, которую ей сулят за грехи. А гибнет Катерина в *водах* вольной Волги.

5. Образ Волги в «Грозе» не соответствует реальному образу реки. Во время поездок по волжским городам Островский хорошо изучил быт и нравы волжан. Хорошо он знал и главную русскую реку. Только та Волга, которая нарисована им в «Грозе» не похожа на *настоящую* Волгу. По этой Волге не ходят пароходы, в ней не ловят рыбу, на ней не видно бурлаков. В этой Волге можно только погибнуть – бросившись в нее с высокого обрыва. Как видим, еще одна трактовка появляется у Волги – мертвая река. Но дело здесь не только в реке: замкнутое пространство города в принципе не позволяет покинуть его. Попытка бегства из такого места может быть осуществлена только в вертикальной плоскости – через смерть. Катерина не может ни взлететь, ни уехать (ни с Тихоном, ни с Борисом), ни уплыть на лодке. Единственный выход (с точки зрения преодоления границ) – броситься в Волгу.

6. Продолжая тему предыдущего параграфа, заметим, что Волга в «Грозе» *неживая* не только потому, что по ней не ходят пароходы, но и потому, что такой ее воспринимают жители Калинова.

Барыня, предрекающая Катерине пламя геенны огненной, показывает на Волгу, говоря, что в этот *омут* ведет их красота. Катерина, страдая, и сама говорит, что лучше бы ее утопили: «Взяли бы, да и бросили меня в Волгу; я бы рада была» [4. С. 260-261].

Как видим, не в быстрой и полноводной Волге погибла Катерина, а в волжском *омуте*. В омут Катерина бросилась с берегов Волги, и, что важно, с *обрыва*: «Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная!» [4. С. 265]. Обрыв – это не только крутой склон берега, но и та внезапная кончина, которой обрывается жизнь героини.

Пространство между обрывом и омутом – это *пропасть*. И Катерина чувствует, что стоит над пропастью. Но это не только элемент пространства, но и то внутреннее, душевное состояние героини, к которому приводят ее грехи: «А вот что, Варя: быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. (*Хватается за голову рукой.*)» [4. С. 222].

Такие лексемы, как *омут*, *обрыв* и *пропасть*, неразрывно связанные с Волгой (в этой драме), приводят нас к мысли о том, что Волга – река, несущая, пускай и избавительную, но смерть.

7. Как мы сказали ранее, город Калинов является своеобразным пограничным топосом. Эта функциональность усиливается и наличием в городе природной границы – реки. Волга является границей (в прямом смысле этого слова) для жителей города Калинова, поскольку: а) разделяет реальный неописанный в драме мир с его бурным течением жизни и застенчивый патриархальный, может быть, несколько сказочный Калинов; б) символизирует деление описываемого в драме пространства на запертое городское и вольное природное.

8. Если согласиться с мнением А.Л. Лифшица о том, что Калинов – город сказочный, а семантика его названия связана с Калиновым мостом, то и Волга будет являться рекой сказочной, наделенной всеми атрибутами и функциями фольклорной реки. Здесь будут реализованы, таким образом, следующие мотивы:

- вода обладает очистительной силой, поэтому Катерина смывает с себя грехи;
- речное пространство может быть соотнесено с небесным и, таким образом, река земная может стать райской рекой для Катерины;
- журчащая река имеет свое «слово» – у Волги, эти слова, без сомнения, *свобода* и *воля*, именно поэтому, может быть, Катерина всем своим существом стремится к реке;
- существует и мотив «испытания водой». Катерина, утопившись в Волге по своей воле, показывает, что не боится пройти это испытание и божественный суд ей не так страшен, как жизнь в неволе;
- мотив «река-избавитель» очень ярко проявляется в этой пьесе, поскольку именно Волга избавляет Катерину от тягот жизни. Бросаясь с обрыва в реку, Катерина будто бы растворяется в пейзаже Заволжья, пропадает там, где царит воля и любовь;
- очевидный мотив «река – путь, дорога» реализован в драме в том смысле, что Катерина переходит из мира живых в мир мертвых посредством реки;
- нередко в фольклоре замужество поневоле сравнивается с утоплением, в «Грозе» хоть и не говорится о *замужестве поневоле*, но имеется факт жизни в неволе с нелюбимым человеком.

Таким образом, функциональность Волги в драме «Гроза» очень обширна. Образ Волги включает в себя функции реальной реки, но в большей степени реализует фольклорные «речные мотивы».

«Козьма Захарьич Минин, Сухорук». После «Грозы» Островский обращается к драматической стихотворной хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», первая редакция которой появляется в свет в 1861-м году, где образ Волги осмысливается как символ народного единства.

Работая над этой пьесой, драматург не только проявляет мастерство таланта художника, но и точность ученого. Исторические пьесы он строил на строгой фактической основе, используя опыт и знания, полученные во время путешествия по Волге, работая с архивами.

Создавая образ Нижнего Новгорода, драматург рисует исторические события, а также создает по-настоящему *народный* фон: «Рядом со стонущем в ляжке бурлаком у него стоят сметливые и ловкие судостроители – балахнинцы, волжские рыбаки, девушка, идущая по воду в ярком национальном костюме» [6. С. 546].

Говоря о волжском характере, следует обязательно указать еще на одну реплику: «Спасенье русское придет от Волги. // Хороший <...> и чистый край!» [6. С. 22]. Это мысль действительно важна, поскольку не только характеризует волжан как храбрых людей, готовых пожертвовать собой ради спасения Руси, но и говорит об особой волжской силе духа, сметливости, соборности, искренней вере, а также значении Волги в формировании такого характера.

Таким образом, общий художественный мир хроники группируется вокруг образа Нижнего Новгорода, который описан конкретными топосами (Гостиный двор, Кремль, башни, ворота, торговые лавки и пр.), важнейшим из которых является Волга.

В драматической стихотворной хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», образ Волги, по мнению Г.В. Мосалева «осмысливается как символ народного единства, как общая купель, из которой вышли люди, крещенные духом веры и любви. Образ Нижнего Новгорода и нижегородцев – тоже символический и собирательный. Это образ сакрального места, источника благодати. Город, верный Христу, становится истинным центром христианской жизни, способным принести освобождение всей России: «заря освобождения» восходит именно в Нижнем – в русской глубинке» [3. С. 259].

«Воевода (Сон на Волге)» – это еще одна «волжская» пьеса Островского. Если бы замысел «Ночей на Волге» был бы осуществлен, эта пьеса стала бы, без сомнения, жемчужиной цикла.

Образ Волги в «Воеводе» неотделим от живых фигур представителей волжской вольницы, удальцов, веселых и изобретательных в развлечениях и шутках, дерзких и находчивых в борьбе с воеводой, его приспешниками и всеми, кто разоряет и угнетает народ. Волжская вольница рисуется здесь не только в традициях легендарно-фольклорного ее изображения, но и в соответствии с фактами, приведенными в исторических источниках.

Указание конкретного города для драматурга становится не столь важным – в пьесе нет названия конкретного города, в котором происходит действие. Больше внимание драматург уделяет тому, чтобы показать особенности жизни и быта волжского города. Именно Волга становится одним из центральных образов комедии, определяя ее поэтику. Недаром название реки драматург вносит в подзаголовок пьесы.

Волга прочно связана с мироощущением героев, с их жизнью. Река олицетворяет свободную от притеснений и гнета жизнь людей. В народном сознании она ассоциируется с бунтарским духом вольных людей (казаков), а также с удалью народного заступника Степана Разина. Волга в комедии выступает как некий центр, к которому стягиваются все события, причем как реальные, так и предполагаемые.

Широко известно, что в комедию «Воевода» драматург ввел много ярких, живых наблюдений, сделанных им во время путешествия по Волге в рамках этнографической экспедиции. Образ Волги, созданный драматургом, это не только поэтическая характеристика реки, но и тот конкретный реальный фон, который неизменно присутствовал в бытовой повседневной жизни волжан XVII в.

Исследовали неоднократно отмечали, что важнейшим источником пьесы является фольклор. Волжский фольклор, услышанный Островским в экспедиции, стал основой для легендарно-фантастического и в то же время народно-бытового пласта пьесы. «Большое влияние на замысел Островского оказали легенды и песни о Степане Разине. Под воздействием их, несомненно, был создан образ Романа Дубровина, многими своими чертами напоминающий фольклорного Степана Разина, и возникла ситуация «спора» и борьбы атамана и воеводы. Отголоски разинского фольклора рассыпаны в пьесе. В ткань ее вплелись и легенды о разбойнике Кудеяре, и многочисленные сказки, песни – исторические, героические, лирические и духовные, народные игры и представления, обряды и обычаи, загадки и пословицы» [6. С. 581-582].

Важнейшая, на наш взгляд, для раскрытия художественных черт образа Волги народная песня «Вниз по матушке по Волге», также органично введена Островским в текст пьесы. Песня «символизирует «волжскую разбойничью вольницу, удалство и любовь русского человека к свободе и безграничным просторам родной земли» [9. С. 53].

Народное представление «Лодка», также подробно описанное Островским, вводит в пьесу народно-игровое начало, соответствующее по своей природе волжскому фольклору.

Волга, столь значимая для художественного мира комедии, выступает, по мнению Г.В. Мосалевой, как природный и социальный топос. «Волга не просто часть некой картинной декорации пьесы, она включена в активные топосы пьесы, с которыми связано развитие сюжета» [3. С. 261].

Действительно, Волга в «Воеводе» – это русская вольница. И так русскому человеку дорогá свобода и веление сердца, что за них он готов отдать жизнь. Таким образом вводится в текст пьесы типовой речной мотив «утопиться – утонуть в реке». В первом действии пьесы на реплику сестры, говорящей, что нет у девушек воли выбирать мужей себе по сердцу, Марья Власьевна отвечает: «Лучше утопиться» [6. С. 141]. Прасковья Власьевна на это хладнокровно заявляет: «Не мы одни, всем девкам та же доля, // А всем топиться – Волгу запрудишь» [6. С. 141].

Вольная Волга не только избавляет от страданий, но и дает успокоение и душе человека, который его ищет. Дубровин: «Я в темну ночь над Волгой думу думал // И с соловьями речи говорил...» [6. С. 182]. Это реплика также характеризует нерасторжимую связь русского человека с природой, обрядами, верой и приметами.

Волга – это также и фрагмент бытовой картины мира жителей города. Олена, передавая весточку Марье Власьевне, говорит: «Государыня боярышня, // Есть за мной вина немалая: // На реке платно мыла, // Громко колотила...» и далее: «На что мне лгать! На Волге платье мыла // Я на плоту...» [6. С. 192]. Прикрываясь ежедневными заботами, Олене удается сообщить Марье важное известие о том, что ее придут спасать.

Как видим, образ Волги пронизывает всю ткань этого произведения, недаром оно и называется в подзаголовке «Сон на Волге». Река является ключевым звеном, объединяющим все события и сюжетное развитие этой пьесы. Волга – это символ богатства России. И не только природного! Историческое, духовное, национальное и человеческое достояние ассоциируется с этой рекой. Волга тесными узами связана с характером русского человека, с его удалью и смелостью, смекалкой и выдумкой, величием и непредсказуемостью, талантом, безграничными возможностями и жизнелюбием.

Волга – это река вольного народа. И, конечно, в пьесе «Воевода» она главным образом символизирует желание противостоять гнету, рабству и несправедливости. Река является символом свободы и воли.

«Горячее сердце». «Горячее сердце» привлекает (с точки зрения анализа художественного пространства) в первую очередь тем, что действие пьесы происходит в городе Калинове, хорошо известном читателю по «Грозе». «Гроза», как известно, самая «волжская» пьеса драматурга. Означает ли это, что и поэтика «Горячего сердца» напрямую связана с образом Волги? Ведь действие обеих пьес происходит в волжском Калинове...

Волжская культура отражена Островским в описании игры «Лодка» и обычая умыканья невест.

Волжские обычаи, сама река и сельский вид создают особую поэтику пейзажа в этой пьесе. Пространство прописано столь точно и подробно, что читателю и зрителю с лёгкостью удастся погрузиться в атмосферу произведения, ощутить его особый «волжский» колорит.

Но на этом, по сути, функции Волги в «Горячем сердце» и заканчиваются. Волга в «Горячем сердце» это не та же Волга, которая течет в «Грозе». «В «Грозе» Волга – это не просто топографическая деталь, это одно из основных действующих лиц, адекватно отражающее личность самого автора. Волга даёт представление о «высоком» и созвучна драматургии образа Катерины – трагического образа, «вставленного» в рамку бытовой «мещанской драмы». В «Горячем сердце» ничего похожего нет – и символ «Волги» для неё оказывается лишним. Но сам топос «города Калинова» от отсутствия Волги не изменяется» [2].

«Бесприданница». Волжская пьеса «Бесприданница» очень поэтична. И в создании такой атмосферы немаловажную роль играют топосы (Волга, высокая площадка над Волгой, заволжские дали и кофейня), которые составляют художественное пространство пьесы.

Действие пьесы происходит в большой торговом волжском городе Бряхимове. И Волга сначала представляется нам как река торговая, связанная с делом: судоходством, покупкой и продажей пароходов, сплавлением грузов и пр.

С образом торговой Волги тесно связан и образ Волги вольной, свободной, на которой и погулять можно, и которая может дать вечное освобождение в виде смерти – отсюда и постоянный мотив, характерный для творчества Островского, «утопиться в реке». В тринадцатом явлении третьего действия Лариса (перед поездкой за Волгу) обреченно прощается с мамой, говоря: «Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге» <...> «Видно, от своей судьбы не уйдешь» [5. С. 64].

С Волгой тесно связан не только сюжет пьесы, но и символический образ птицы, о котором мы упоминали ранее. «Архетип чайки тесно связан с водными образами, так же тесно переплетена судьба Ларисы с Волгой и водной стихией: «Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне!»; «Меня так и манит за Волгу, в лес...»; «Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге» [7. С. 141].

Для описания пространства пьесы А.Н. Островским не случайно выбран волжский пейзаж. Красота и сила природы и Волги противопоставляются навязчивому желанию людей «казаться красивыми», а свободная и вольная Волга противопоставляется людскому «базару». Лариса неоднократно просит жениха увезти ее подальше, за Волгу, в деревню, в лес. Река предстает перед читателем своеобразной границей между миром пошлой обыденности и идеальным (с точки зрения Ларисы) миром спокойной деревенской жизни. Волга в пьесе – это и жизнь, и смерть. В ней плавают рыба, по реке ходят пароходы, в ней – полнота жизни. Но к реке приходят и для того, чтобы расстаться с жизнью. Лариса в отчаянии подходит к ограде высокой площадки и смотрит на Волгу, не решаясь совершить самоубийство. И выстрел Карандышева, убивший Ларису, раздаётся над широкой Волгой.

Природа и Волга в первую очередь определяют художественный мир этой драмы, становясь не только фоном для изображаемых событий, но и активным действующим лицом.

«Таланты и поклонники». Действие этой комедии Островского, также, как и драмы «Бесприданница», происходит в Бряхимове, расположенном на берегу Волги.

Лексема *Волга* (как, впрочем, и лексема *река*) в тексте пьесы, однако ни разу не упоминается. Эта пьеса относится к группе «волжских» поскольку ее действие происходит в волжском Бряхимове, хотя никаких новых трактовок образа Волги здесь нет.

Безусловно, пьеса типологически и сюжетно связана с *бряхимовскими волжскими* пьесами, но, так как это напрямую не отражается на специфике изображенного художественного пространства, мы не будем останавливаться на рассмотрении этого вопроса.

«Красавец мужчина». Действие этой пьесы также разворачивается на волжских берегах Бряхимова. Читатель и зритель пьес Островского уже был знаком с этим городом по прежним произведениям драматурга. Поэтому все перипетии сюжетов, которые уже были известны читателю, составляют внутренний фон пьесы «Красавец мужчина».

Поскольку Бряхимов – город на реке, нас также интересует, реализуются ли в данном тексте речные мотивы. Так, лексем «река», «берег» и «Волга» в тексте не упоминаются. Однако в диалоге Лупачева и Окомова появляется мотив «утопиться в реке», который ранее неоднократно встречался в текстах Островского.

Образ Волги, таким образом, в данном тексте не функционирует, он лишь существует неназванно, как часть географического пространства описываемого места действия.

«Без вины виноватые». Действие этой очень важной для понимания художественного мира пьес Островского комедии происходит, как заявлено в первой ремарке «в губернском городе» [5. С. 354]. Город остается названным, однако, по репликам отдельных персонажей мы узнаем, что он стоит на Волге. Так, Муров в одной из реплик говорит, что увидит одного приезжего, «который знает всех купцов во всех низовых городах» [5. С. 404]. Зритель понимает, что низовыми городами называются те, которые расположены ниже по течению реки. Реку упоминает и Галчиха, описывая «за рекой дом, таковой большущий и с мезонином» [5. С. 387]. А то, что город стоит именно на Волге, становится ясным из разговора Шмаги и Миловзорова в первом явлении четвертого действия: «*Шмага*. Как бы хорошо в такую ночь... // *Миловзоров*. По Волге кататься?» [5. С. 407].

Пьеса «Без вины виноватые» действительно тематически роднится с пьесами «Таланты и поклонники» и «Красавец мужчина», действие каждой из которой происходит в городе на Волге – Бряхимове. Поэтому, мы можем предполагать, что действие и пьесы «Без вины виноватые» могло происходить там же. Но драматург напрямую об этом не говорит, видимо, желая некоторым образом разъединить события этих пьес.

Действительно, описываемый город – обобщенный образ провинциального русского города. Типичный образ нужен драматургу для того, чтобы показать не исключительность сложившейся ситуации (несмотря на всю кажущуюся мелодраматичность), а реальную общественную проблему. Однако, для того, чтобы добавить «реальности» описываемым событиям, автор вводит конкретные географические названия. Так, в тексте пьесы упоминаются Саратов, Ростов, Самара, Ирбит, Сызрань, Таганрог. Поэтому облик людей названного города нам представить несложно – типичные обыватели типичного провинциального города России, коих много по стране.

Для этой же цели, на наш взгляд, введен в текст и топоним Волга. Упоминание конкретного географического объекта делает художественное пространство пьесы «настоящим».

Подводя итоги, заметим, что Волга – главная русская река, безусловно, придает пьесам Островского национальный характер. Художественный образ *Волга* в различных текстах функционирует по-разному. Но везде, где бы мы ни встречали упоминание Волги, оно сюжетно и композиционно мотивировано, что действительно позволяет говорить о существовании в ряду всего драматургического наследия А.Н. Островского так называемого «волжского цикла» – группы пьес, объединенных образом Волги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлева А.И. «Гроза» А.Н. Островского // Анализ драматического произведения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 366 с.
2. Кошелев В.А. В городе Калинове // Литература: прил. к газ. «Первое сентября». 2003. № 27/28. С. 13-14. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200302806>
3. Мосалева Г.В. «Непрочитанный» А.Н. Островский: поэт иконной России. Монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 296 с.

4. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах. Под общей ред. Г.И. Владыкина и др. Т. 2. Пьесы (1856 – 1866). М.: Искусство, 1974. 808 с.
5. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах. Под общей ред. Г.И. Владыкина и др. Т. 5. Пьесы (1878 – 1884). М.: Искусство, 1975. 543 с.
6. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах. Под общей ред. Г.И. Владыкина и др. Т. 6. Пьесы (1861 – 1865). М.: Искусство, 1976. 608 с.
7. Ракоед Ю.С. Архетип чайки в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» // Литература и язык в современном поликультурном пространстве. Сборник статей по материалам Всероссийской науч.-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Г.М. Ибатуллина. Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». Стерлитамак, 2017. С. 140-143.
8. Ревякин А.И. «Гроза» А.Н. Островского. М., 1962. 336 с.
9. Соколова В.Ф. Народоведческие истоки творчества А.Н. Островского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 51-54.
10. Холодов Е.Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1967. 544 с. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/173-kholodov-e-masterstvo-ostrovskogo>
11. Хомич Э.П. А.Н. Островский: поэтика эпического театра. Монография. Москва-Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 104 с.

Поступила в редакцию 18.02.2019

Красникова Олеся Николаевна, аспирант, старший преподаватель кафедры литературы и русского языка ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» (ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина») 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10 лит. А
E-mail: oln.krasnikova@gmail.com

O.N. Krasnikova

POETICS AND FUNCTIONS OF THE IMAGE OF VOLGA IN THE “VOLGA” PLAYS OF A.N. OSTROVSKY

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-3-477-484

The article describes the functioning of the image “Volga” in the dramatic heritage of A.N. Ostrovsky. It is well known that the playwright discovered Zamoskvorechye to the Russian reader, but the Volga text has been studied much less. In this article, we will consider the image “Volga” – the main image that forms a special series of plays, united under the common name “Volga text”. Specificity of the realized functions of the image, typological features of similarity and differences of the image in different plays, features of functioning in each specific text together constitute a single artistic image. The presence of that common image makes it possible to distinguish a unique circle in the playwright's creative heritage – the Volga cycle of plays. The author wanted to name this cycle – “Nights on the Volga”. This article analyzes exactly those plays in which a described action takes place on the banks of the Volga.

Keywords: A.N. Ostrovsky, drama, Volga, river, “Volga text”, Kalinov, Bryakhimov.

REFERENCES

1. Zhuravleva A.I. “Groza” A.N. Ostrovskogo [“The Storm” by Ostrovsky] // Analiz dramaticheskogo proizvedeniia [Analysis of the dramatic work]. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1988. 366 p. (In Russian).
2. Koshelev V.A. V gorode Kalinove [In the city of Kalinov] // Literatura: pril. k gaz. “Pervoe sentiabria” [The journal “The 1st of September”]. № 27/28, 2003. P. 13-14. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200302806> (In Russian).
3. Mosaleva G.V. “Neprochitannyi” A.N. Ostrovskii: poet ikonnoi Rossii. [“Unread” A.N. Ostrovsky: the poet of iconic Russia] Monografiia. Izhevsk: Izd-vo “Udmurtskii universitet”, 2014. 296 p. (In Russian).
4. Ostrovskii A.N. Polnoe sobranie sochinenii v 12 tomakh. [Complete works in 12 volumes]. Pod obshechi red. G.I. Vladykina i dr. T. 2. P'esy (1856 – 1866). M.: Iskusstvo, 1974. 808 p. (In Russian).
5. Ostrovskii A.N. Polnoe sobranie sochinenii v 12 tomakh. [Complete works in 12 volumes]. Pod obshechi red. G.I. Vladykina i dr. T. 5. P'esy (1878 – 1884). M., Iskusstvo, 1975. 543 p. (In Russian).
6. Ostrovskii A.N. Polnoe sobranie sochinenii v 12 tomakh. [Complete works in 12 volumes]. Pod obshechi red. G.I. Vladykina i dr. T. 6. P'esy (1861 – 1865). M.: Iskusstvo, 1976. 608 p. (In Russian).

7. Rakoed Iu.S. Arkhetip chaiki v p'ese A.N. Ostrovskogo "Bespridannitsa" [The archetype of the seagull in the play by A.N. Ostrovsky "The dowerless girl"] // Literatura i iazyk v sovremennom polikul'turnom prostranstve [Literature and language in the modern multicultural space]. Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauch.-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Otv. red. G.M. Ibatullina. Sterlitamakskii filial FGBOU VO "Bashkirskii gosudarstvennyi universitet", 2017. P. 140-143. (In Russian).
8. Reviakin A.I. "Groza" A.N. Ostrovskogo ["The Storm" by Ostrovsky]. M., 1962. 336 p. P. 214. (In Russian).
9. Sokolova V.F. Narodovedcheskie istoki tvorchestva A.N. Ostrovskogo [Ethnological sources of A.N. Ostrovsky's creativity] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2016. № 5 (59): v 3-kh ch. Ch. 3. P. 51-54. (In Russian).
10. Kholodov E.G. Masterstvo Ostrovskogo [Mastery of Ostrovsky]. M.: Iskusstvo, 1967. 544 p. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/173-kholodov-e-masterstvo-ostrovskogo> (In Russian).
11. Khomich E.P. A.N. Ostrovskii: poetika epicheskogo teatra [Ostrovsky: the poetics of the epic theater]. Monografiia. Moskva-Barnaul: Izd-vo BGPU, 2002. 104 p. (In Russian).

Received 18.02.2019

Krasnikova O.N., postgraduate student, Senior Lecturer at Department of literature and Russian language
Pushkin Leningrad State University
Petersburgskoe shosse, 10, lit. A, Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605
E-mail: oln.krasnikova@gmail.com